

Jelena Kryžko – filologijos mokslų daktarė, Berdiansko valstybinio pedagoginio universiteto (Ukraina) Ukrainiečių kalbos ir slavistikos katedros docentė.

Moksliniai interesai: kultūrinė kalbotyra, ukrainiečių kalba, ukrainiečių kalbos istorija.

El. paštas: olenakryzko@gmail.com

Olena Kryzhko: PhD, Associate Professor, Berdyansk State Pedagogical University (Ukraine), Associate Professor of Ukrainian Language and Slavistics Department.

Research interests: cultural linguistics, Ukrainian language, history of Ukrainian language

E-mail: olenakryzko@gmail.com

Елена Крыжко

Бердянський державний педагогічний університет

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ МОТИВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Anotacija

Straipsnyje nagrinėjami motyvacijos koncepto ypatumai, atsižvelgiant į žodžio darybos, nominacinį ir kognityvinį aspektus; taip pat bendras motyvacijos suvokimas, siejamas su semiozės procesu ir vidine žodžio forma.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: motyvacija, motyvacijos suvokimas, žodžio darybos, nominacinis ir kognityvinis aspektai, vidinė žodžio forma, semiozė.

Abstract

The article deals with the peculiarities of the concept of motivation in word formative, nominative, linguacognitive aspects, as well as a general understanding of motivation in connection with the doctrine of the process of semiosis and the internal form of the word. In particular, the motivation in the derivational aspect is understood as the process of formation of the semantic and formal connection of the derived word with the formative one within the sign code of the language system, in the nominative – the formal and semantic connection between words as signs (expression and content plans), realized in the formation of words; in linguacognitive – the establishment of a semantic and formal dependence between the motivator and the derivative by a nominative unit (a motivated sign) based on the connections of different components of the knowledge structure about what is meant in the ethnic consciousness.

KEY WORDS: motivation, motivational meaning, word forming, nominative, linguacognitive aspects, internal form of a word, semiosis.

doi:<http://dx.doi.org/10.15181/rh.v22i0.1627>

Постановка проблемы, актуальность, обзор литературы. Объект, предмет, цель и задачи исследования

Понятие мотивации возникло в словообразовании, по мнению многих ученых, как соответствие формальной и семантической производности слов (Dokulil 1962; Винокур 1959; Виноградов 1975; Гак 1977; Голев 1979; Селіванова 2006; Улуханов 1992, 2005; Чанчина 2007, Ширшов 1981 и др.). Начиная с работ И. А. Бодуэна де Куртене, вопросы словообразования рассматривались аспектуально в морфологии. Подобный подход господствовал почти до конца XX в. – в академических грамматиках этого периода словообразование определяется как сфера “функционирования морфем” (ГСРЛМ 1970, 30), поскольку во многих исследованиях доминирует изучение деривационных аффиксов, специально выполняющих в языке деривационную функцию, в отличие от основ и лексем как единиц лексического уровня, для которых производная функция является вторичной по сравнению с номинативной.

В украинском языкознании, как отмечает Г. Кочерга (Кочерга 2004), мотивация не рассматривалась даже в учебниках по словообразованию, а в научных работах использовались только имеющиеся в славистике классификации, поскольку основное внимание ученых было сосредоточено на словообразовательных типах и динамике значений мотиватора и мотиванта (Горпинич 1998). Однако, начиная с 80-х годов XX в., в отечественном языкознании противопоставление морфемике и словообразования нивелируется. Объект дериватологии постепенно, особенно после появления работ Г. О. Винокура (Винокур 1959, 427) и В. В. Виноградова (Виноградов 1975, 198), затрагивает сферу единиц лексического уровня (РГ 1980, 133). Словообразование, таким образом, становится наукой о словах особенного типа – мотивированных (Кубрякова 1972, 346–347; Зверев 1981, 21;

Ширшов 1981, 18), несмотря на то, что некоторые вопросы лексической эпидигматики и дериватологии совпадают (Улуханов 1992).

С дальнейшим развитием исследований в области словообразования возникла необходимость разграничения мотивированности и производности, особенно в процессе синонимизации терминов “образованное”, “производное”, “мотивированное”, “выведенное”, употребляющихся, как правило, и дериватологами, и лексикологами без попыток их дифференциации (Голев 1977). Таким образом, для того, чтобы разграничить указанные термины, необходимо прежде всего определить сущность мотивации.

Цель данного исследования – охарактеризовать понятие мотивации в словообразовательном, номинативном и лингвокогнитивном аспектах. **Задачи:** 1) установить особенности понятия мотивации в словообразовательном, номинативном и лингвокогнитивном аспектах; 2) рассмотреть понятие мотивации в контексте учения о процессе семиозиса и внутренней форме слова.

Объектом исследования является понятие мотивации, а **предметом** – словообразовательный, номинативный и лингвокогнитивный аспекты ее изучения в современной лингвистической науке.

Словообразовательный, номинативный и лингвокогнитивный аспекты изучения мотивации в языкознании

В новейших лингвистических исследованиях мотивация рассматривается в трех аспектах: 1) в словообразовательном – процесс формирования семантической и формальной связи производного слова со словообразовательным в рамках знакового кода языковой системы; 2) в номинативном – формальная и семантическая связь между словами как знаками (обозначающее – план выражения и обозначаемое – план содержания), реализующаяся при образовании слов; 3) в лингвокогнитивном – “сквозная в процессе образования номинативной единицы лингвопсихоментальная операция установления семантической и формальной зависимости между мотиватором и производной номинативной единицей (мотивированным знаком) на основе связей

разных компонентов структуры знаний об означаемом в этническом сознании” (Селіванова 2006, 401).

Словообразовательный подход к пониманию мотивации позволил определять морфемный анализ только как производное от словообразовательного. Вследствие этого произошел пересмотр языкового статуса многих морфов (прежде всего аффиксальных): 1) из состава полноценных морфов выводятся аффиксы, которые не вписываются в точно установленные мотивационно-словообразовательные цепочки, как например (здесь и далее приводятся примеры из украинского языка), *батьківський*, и наоборот, объединяются в блоки отдельные аффиксы: *о + без – обеззброїти*; а также приравниваются к полноценным аффиксы, так называемые “нулевые суффиксы”, “окончания-суффиксы”, в субстантивных прилагательных и неизменяемых словах: *донизу*; “окончания-интерфиксы”: *трипалій*. Кроме того, не считаются формантами аффиксы в словах, не имеющих определенных мотиваторов: *господарство*; 2) состав аффикса становится зависимым от вариативности мотивации: *корисливість / корисливість*; 3) словообразовательные типы и модели начали определяться на основе переменных величин, являющихся мотивирующими базами и мотиваторами, а не на основе традиционно постоянных элементов (аффиксов). При описанном подходе отношения мотивации становятся сущностью словообразовательного анализа, “формант” приобретает большую специализацию, сужается, а со временем все чаще заменяется термином “мотивант” (Улуханов 2005).

Номинативный аспект мотивации связан со словообразовательным, поскольку последний не только возник на базе мотивации, но в нем также применялось морфемное членение мотивированного слова, основанное на линейном сопоставлении его с мотиватором (Улуханов 1992, 39–40). Таким образом, мотивированное слово толкуется через мотивирующее, что носит очевидный лексикологический характер.

В свою очередь, лексическая мотивация отличается большим разнообразием и слабой типизацией, что может выступать в качестве аргумента, подтверждающего в этом случае наличие собственного лексического статуса у мотивационных отношений, который уста-

навливается и существует по своим законам, обусловленным функционированием и развитием мотивирующего и мотивированного слова как единиц лексического уровня, независимо от словообразования и без ориентации на него. Особенно заметен этот процесс в словах, отличающихся по аксиологической и стилистической окраске, между которыми “конкуренция” происходит не на уровне словообразования, а на уровне семантической соотносительности, что можно проследить и в словах со связанными корнями: *електрика – електричний*. Подобные лексико-семантические отношения также нельзя считать словообразовательными в чистом виде. Сомнения вызывает и словообразовательный характер некоторых лексико-грамматических процессов. В этом контексте М. Голев отмечает, что *нове* в предложении *Я знаю **нове** о нем* является существительным – производным словом, образованным морфолого-синтаксическим способом, в частности в процессе субстантивации, а в предложении *Я знаю что-то **нове** о нем* – прилагательным – непродucedным словом, не образованным на базе словообразования, если понимать под словообразованием “функционирование морфем”. По мнению ученого, собственно словообразовательными можно считать только те формально-семантические междулексемные связи, которые непосредственно принимают участие в актах образования слов (Голев 1977).

Однако в словообразовательных и лексико-мотивационных отношениях много общего, особенно в процессе осуществления деривационного акта, поэтому, определяя их типологическое сходство, генетические связи и формы взаимодействия, исследователи выделяют следующие тенденции и закономерности: 1) прямое использование мотиватора в актах окказиональной деривации; 2) утрата отношения зависимости (первичности-вторичности); 3) установление формально-семантической соотносительности немотивированного характера: *уключити – виключити*; равноправности направлений зависимости: *виховувати – виховати*; 4) постепенный переход синхронно-релевантного словообразования в этимологическое (возникновение и развитие разных форм асимметрии мотивации и деривации, ослабление соотносительных связей вплоть до омонимических и супплетивных) (Голев 1981, 6–32).

Причины упомянутой соотносительности заложены в специфике мотивационных функций, поскольку постепенно становится необязательным осмысление рациональности связи между означающим и означаемым (подобная связь осуществляется автоматически), а также генетических и причинно-следственных отношений между словами на синхроническом срезе лексической системы. Все это способствует, с одной стороны, естественному и закономерному процессу ослабления мотивационности, а с другой, – установлению новых мотивационных оценок в языке или речи, проявляя новое качество функционирования мотивации.

Выделение лингвокогнитивного аспекта мотивации связывают с тезисом Л. С. Выготского о мотивированности любой языковой деятельности (Выготский 1982, 163). Хотя еще в 60-е годы М. Докулл выделил в акте номинации две логические операции, связанные с мыслительным процессом: 1) акт классификации – мыслительное включение обозначаемого в определенный класс явлений; 2) мыслительное сравнение с другими процессами или явлениями действительности, в частности установление ассоциативных связей (Dokulil 1962). Согласно предложенной концепции, тип мотивации зависит от фрагмента ментально-психонетического комплекса, выявляющегося при внутреннем программировании ономаσιологической структуры, а также селекции мотиватора из этой мотивационной базы. В соответствии с лингвокогнитивным подходом, мотивацию можно дифференцировать на: 1) пропозитивно-диктумную, выбирающую компонент диктума как адекватные, реальные знания об объекте номинации; 2) ассоциативно-терминальную, которая выявляет ассоциативную часть ментально-психонетического комплекса, используя в структуре концепта фрагменты необъективных, неистинных знаний об означаемом, коррелирующих с пропозитивными компонентами диктума; 3) модусную, актуализирующую оценку обозначаемого на основании модуса, ощущений и чувств; 4) псевдомотивацию, указывающую на отсутствие вербализации в ономаσιологической структуре какого-нибудь фрагмента ментально-психонетического комплекса (Селиванова 2006, 402).

Согласно наблюдениям Г. Кочерги, в украинском языке ассоциативно-терминальная мотивация, в отличие от пропозитивно-дик-

тумной, направлена на использование в процессе наименования фрагмента неистинных (необъективных, нетривиальных) знаний об означаемом, которое коррелируется в соответствии с определенными диктумными позициями, являющимися в таком случае знаково нулевыми. По мнению исследовательницы, именно неистинные знания в структуре концепта (ментально-психонетическом комплексе), представленные в ассоциативно-терминальной части, которая связана также с определенными психическими функциями, в частности ощущениями, преимущественно зрительными, и образами (гештальтами), возникающими в сознании номинаторов, и способствуют синестезии или симилиации (аналогизации) с другими образами и мыслительными структурами. Ассоциативно-терминологический тип мотивации ученой характеризует как селекцию мотиватора производного наименования на основании ассоциирования с диктумной частью когнитивной модели других концептов, формирующей терминальные компоненты в подобной модели (Кочерга 2004).

Когнитивным основанием подобного ассоциирования является познавательная способность человека воспринимать и понимать одну концептуальную сферу в терминах другой (Lakoff 1980, 5), что составляет базу какой-либо метафоры, поскольку в процессе номинации человек использует разные способы когнитивно-познавательной деятельности, реализует способность проводить аналогии между концептами. Как известно, когнитивно-гносеологическая связь концептов и концептуальных сфер является основанием для метафоризации, то есть представляет повседневную операцию человеческого мышления, которая используется с целью структурирования окружающего мира и руководит интеллектуальной деятельностью человека, его поведением (Lakoff 1980, 5–14). Определяя закономерности этносознания, влияющие на выбор концептов и концептуальных сфер, В. Н. Телия акцентирует внимание на связи процессов метафоризации со сферой знаний и опытом говорящего, культурой, обычаями, традициями этноса, поскольку механизмы внутреннего программирования и последующей селекции руководствуются определенным регулятором познавательно-эмоциональной деятельности человека (Телия 1988, 26–52).

Таким образом, ассоциирование может рассматриваться, как и аналогизация, что является основанием для какой-либо метафоризации, поэтому в традиционном словообразовании выделяется переносная мотивация в виде метафорической или ассоциативной. Е. А. Земская предлагает следующую классификацию переносной мотивации: а) реальная, когда образное обозначение мотивированного слова унаследовано от переносного значения мотиватора; б) ассоциативная, при которой значение мотивированного основывается на постоянных ассоциациях, свойственных значению мотиватора; в) образная, когда образное значение мотивированного базируется на прямом значении мотиватора (Земская 1984, 3).

Развивая представленную концепцию, И. С. Улуханов выделяет ассоциативно-описательную и ассоциативно-уподобляемую мотивацию, в зависимости от типа связи значения мотивированного и значения мотиватора (Улуханов 2005, 5–19). В отличие от существующих классификаций переносной мотивации, когнитивно-ономастиологическая направлена на главный критерий – место мотиватора в структуре концепта обозначаемого явления (Селиванова 2000, 162). Выбор фрагмента ассоциативно-терминального компонента, его реляций с другими составляющими ментально-психонетического комплекса в целом обуславливает ассоциативно-терминальный тип мотивации, которая, в свою очередь, может иметь разную природу аналогизации донорской и реципиентной зон. Можем привести примеры различных видов мотивации в украинском языке, предлагаемых Г. Кочергой: *індичитися* – “надуваться, как индюк; пыжиться”; *мавпувати* – “безоговорочно, слепо наследовать чужие привычки, поступки и т.п. // Дразнить”; *нажаблюватися* – “обижаясь на кого-нибудь, сердиться, надуваться”. По мнению исследовательницы, в массиве ассоциативно мотивированных украинских отыменных глаголов выделяются прежде всего дериваты, значение которых основывается на метафорическом восприятии мотиватора как знака другой концептуальной сферы (в приведенных иллюстрациях донорской зоной для реципиентной сферы ЧЕЛОВЕК являются ЖИВОТНЫЕ) (Кочерга 2004, 88–94).

Специфика приведенного выше языкового явления, как считает Г. Кочерга, заключается в том, что среди ассоциативно мотивирован-

ных выделяются лексемы, первичные значения которых образованы путем пропозитивно-диктумной мотивации, а вторичные – в результате аналогизации первичных. Метафоризация подобных глаголов возникает на основе вторичного наименования, то есть использования уже готового знака для обозначения действий, содержание которых связано со значениями мотиватора или мотивированного путем аналогизации уподобления (Кочерга 2004, 88–94).

Разновидностями ассоциативно-терминальной мотивации являются структурно-метафорическая, диффузно-метафорическая, гештальтно-метафорическая и фразеологическая (Селиванова 2000, 172–175). В метафорически образованном деривате может возникнуть особенная эмоциональность, экспрессивность, оценочность и функционально-стилистическая окраска, составляющие, по мнению многих исследователей (Е. М. Вольф, В. Н. Телия, И. А. Стернин и др.), структуру коннотата. Согласно концепции И. А. Стернина, устранение интегральной семы (архисемы) и актуализация в деривате периферийной (потенциальной) семы способствует ее переходу в ядерную, то есть в ядро значения, что, в свою очередь, состоит из архисемы, дифференцированных сем и периферии – неосновных, имплицитных, потенциальных, ассоциативных сем (Стернин 1985, 79–85). Активные деривационные парадигматические модели, основой которых является семная замена, в Украине исследовала Л. А. Кудрявцева. Она считает, что в большинстве случаев устранение архисемы сопровождается и динамикой дифференцированных сем (Кудрявцева 1993, 105). Негативным последствием лингвокогнитивного подхода в изучении мотивации стало то, что исследователи начали истолковывать ассоциативные связи очень широко, в частности – как имплицированный акт предикации (Гак 1977, 84), происходящий при любом деривационном процессе.

Рассматривая теорию словообразования в аспекте когнитивной лингвистики, Е. А. Селиванова отмечает, что в производном метафорически мотивированном слове актуализируются образные и экспрессивные оттенки, которые формируют коннотативный компонент семантической структуры слова и когнитивно обеспечиваются модусом, его корреляцией с ассоциативно-терминальной частью концепта, ощущениями, чувствами, образами и т.п. (Селиванова 2000,

171–172). Определяя общие причины образования или воспроизведения мотивационных отношений в языке, Н.Д. Голев выделяет следующие условия их реализации: 1) участие в семантической организации текста или в построении отдельных предложений, особенно в процессе эстетического, эмоционально-оценочного употребления языковых средств (при этом нарушается автоматизм их использования, основанный на общности означающего и означаемого), что часто сопровождается актуализацией внутренней формы слов; 2) при логическом использовании языка, в частности – при построении дефиниций, при акцентировании внимания на причинно-следственных связях; 3) при возникновении новообразований, которые не могут базироваться на уже готовых единицах, заставляя их реализовывать свою мотивационную силу и при этом усиливая мотивационность своей новизны (Голев 1981, 6–32).

Подобные системные наблюдения дают возможность исследователям предполагать, что словообразовательное использование мотивации является собственной формой актуализации лексико-мотивационных отношений (Янценецкая 1977, 121). При этом новизна как основной признак указанной формы имеет лексическую природу, потому что возникает на основе оппозиции лексических норм. Кроме того, обозначенный момент имеет элемент нормативности: появление новообразований с лексикологической точки зрения можно в целом представить как естественное развитие эпидигматического поля определенного слова, как имманентную реализацию его мотивационных потенций, то есть нарушение статических норм, одновременно представляющее динамическую норму лексики (например, расширение эпидигматического поля слова *якість* в нормативном слове *доброякісний* и в индивидуально-авторском окказионализме *озлякіснитися*).

Таким образом, в контексте смещения акцентов современной лингвистики в сторону когнитивизма проблема мотивации начала решаться на основе нового принципа типологизации мотивационных процессов, связанного с определением концептуального места мотиватора в ментально-психонетическом комплексе объекта, который обозначается (Селиванова 2000). Учитывая, что основой определения мотивации является рациональность связи между означающим и оз-

начаемым, а также преемственность новых единиц по отношению к предыдущим, представленным в мотивирующей базе первичных, некоторые лингвисты с целью изучения указанных проблем выделяют новую лингвистическую дисциплину – мотивологию, предметом исследования которой является такая сложная функционально-семантическая категория, как лексическая мотивация, то есть мотивация слова, независимая как от сферы деривации слов, так и от сферы функционирования готовых слов (Гинатуллин 1971).

Понятие мотивации в контексте учения о процессе семиозиса и внутренней форме слова

В нашем исследовании общее понимание мотивации связано с работами А. А. Потебни и его последователями, в частности – с учением о внутренней форме слова: “Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль” (Потебня 1989, 98). Важным является утверждение ученого о том, что внутренняя форма содержит в себе только один признак, поэтому любое предыдущее слово может быть названо внутренней формой последующего. Приведенная мысль перекликается с основными положениями когнитивно-семиологической теории слова (Н. Ф. Алефиренко), в соответствии с которой обозначение языкового знака в хронотопе отражается в глубинных и поверхностных структурах лексического уровня. К глубинным в этом случае относится план содержания (понятийное / лексическое значение), к поверхностным – план выражения / внешняя форма слова. План содержания и план выражения, в свою очередь, объединяются через внутреннюю форму или мотивационное значение.

Внутренняя форма (как структурная, так и лексическая) – факультативное явление, поскольку ей свойственна изменчивость и в хронотопе, и в языковой системе в связи со спецификой категориальных значений частей речи (от самых выразительных, образных значений при живой форме до так называемых немотивированных первичных значений при полной их потере). Для того, чтобы произошло наименование понятия, необходимы определенные предпосылки, которые заложены во внутренней форме слова (акцентирование идентифици-

рующих / дифференцированных признаков, отражающих родственность / своеобразие данного понятия в системе других).

Внутренняя форма наиболее характерна для денотата, поскольку сигнификаты ее могут терять. Соотношение же между референтом, денотатом и сигнификатом, с одной стороны, и внутренней формой, с другой, нерелевантно. В процессе первичного обозначения денотативное значение в некоторой степени определяется внутренней формой, сигнификативное – понятием, взятым в качестве основного. Внутренняя форма в данном случае теряет способность влиять на формирование лексического значения, поэтому в языке функционируют слова, в которых внутренняя форма исчезла в процессе исторического развития. Таким образом, первичные внутренние значения как результат первого этапа семиозиса соответствуют второй фазе акта номинации – обозначению, отражая связи референта и денотата, денотата и внутренней формы, понятия и сигнификата.

Мотивационное значение – неотъемлемая особенность словесного знака, основу которой составляют мотивационные отношения, возникающие между лексическими единицами и единицами-элементами какого-либо уровня или нескольких уровней одновременно при материализации понятия в языковой знак. Именно поэтому языковой знак всегда мотивирован, а его произвольность проявляется сугубо при выборе признаков, на основе которых возникает понятие, уровней и средств его формализации. Мотивация как процесс образования (новой) внутренней формы опирается на категорию мотивированности (результат объединения мотивационного значения и звуковой оболочки слова), мотивационную форму и понятийное значение, определяя тем самым идиоэтническое направление семиозиса в пределах национального языка. В этом аспекте внутренняя форма рассматривается как промежуточное звено между мышлением, первичным значением и фонетической формой слова.

Смысловая мотивированность плана выражения отражается в валентных и дистрибутивных параметрах номинативного значения, а формальная мотивированность плана содержания – в грамматической, словообразовательной и фонетической мотивации как средствах репрезентаций смыслового содержания. Благодаря преобразованию генетической мотивации языкового знака в секундарную в эволюци-

онном процессе словесный знак в синхронии понимается: 1) в аспекте денотации как двусторонняя сущность – одновременно произвольная при выборе экстралингвистического признака для номинации и непроизвольная в структуре номинативного акта; 2) в аспекте десигнации – только как непроизвольная, поскольку в соотношении триады “знак – концепт–десигнат” (логический треугольник Г. Фреге) словесный знак обуславливается языковой системой (мотивационными отношениями) (Григорян 1980).

Исходя из изложенного выше, семиозис – это процесс обозначения (интерпретации) языкового знака, характеризующийся спецификой отношений мотивации между планом содержания и планом выражения. Традиционно в языкознании выделяют два этапа семиозиса: 1) первичное семиологическое означивание, результатом которого являются словесные знаки; 2) вторичное семантическое означивание, характерное для единиц речи (высказываний) (Бенвенист 1955). Представленная концепция была предложена Э. Бенвенистом, согласно которой превосходство языка состоит в том, что он является уникальным средством передачи значения, не имеющем аналогов в других семиотических системах, – двойном означивании: семиотическими и семантическими средствами. С помощью первого знак приобретает статус целостной единицы, а благодаря второму – порождает речь, в которой смысл реализуется как целое, после чего делится на отдельные знаки (слова).

Схожие взгляды в свое время были изложены в концепции В. Г. Гака, в положениях которой языковые и речевые номинации отличаются по следующим параметрам: 1) типу связи между номинантом и номинатом (в первом случае он стойкий, во втором – нестойкий); 2) типу номинанта (соответственно, сигнификат и денотат); 3) характеру мотивированности (языковые номинации не всегда мотивированы, а речевые – преимущественно мотивированы) (Гак 1967). Ученый также различает два типа номинации в зависимости от обозначаемого объекта: 1) элементная, означающая определенный элемент действительности, при которой номинантом является слово или словосочетание (лексическая номинация); 2) событийная / ситуативная, означающая микроситуацию с номинантом в виде предложения (пропозитивная номинация). Указанные типы номинации

имеют функциональные разновидности: языковые и речевые, то есть разграничиваются, с одной стороны, в языке и речи, а с другой, – предложение принадлежит языку (структурная схема, модель) и речи (высказывание) (Гак 1967).

Выделение двух типов номинаций довольно распространено в современных лингвистических учениях. Например, сопоставляя семный состав означаемого номинативных и предикативных знаков, А. А. Уфимцева в качестве общего выделяет в них: 1) номинативный аспект (класса предметов (для слов и словосочетаний) и единичных событий (для высказываний); 2) денотативный аспект (соответственно, соотношение с классом денотатов и соотношение с единичным конкретным событием); а в качестве отличительного: 1) сигнификативный и коннотативный аспекты (для слов и словосочетаний); 2) коммуникативный, модальный, актуализирующий (для высказываний) (Уфимцева 1974). С гносеологической точки зрения, по мнению ученой, речевые знаки – первооснова процесса обобщения, коммуникативного использования языка, поскольку декодируются обобщенные знаки. Соотношения между языковыми и речевыми знаками рассматриваются, соответственно, как часть от целого, поскольку конечным актом семиозиса являются пропозитивные знаки-предложения. Таким образом, языковые и речевые знаки – это две стороны одного целого – языка, соотносящиеся по следующим параметрам: 1) виртуальное / актуальное (актуализированное); 2) кодифицированное / некодифицированное; 3) общее / индивидуальное; 4) репродуктивное / образованное (Уфимцева 1974).

В контексте различных типов номинаций логично рассматривать два взаимосвязанных и взаимообусловленных этапа семиозиса: первичное означивание как процесс познания, идентифицирование языковых единиц с предметами и понятиями, а вторичное – как процесс соотношения речевых единиц со смыслами, которые они представляют. Таким образом, естественный язык подлежит двухэтапному означиванию – в системе языковых средств и в речи, согласно с семиологическим принципом знакообразования и с принципом семантической интерпретации речевых единиц.

Собственно семиологическое означивание базируется на следующих константах: референт, звуковой комплекс, лексическое значение,

понятие. При этом человек не принадлежит к факторам, образующим конкретный семиологический акт, хотя принцип двукратной референции языковых единиц не нарушается. Процесс вторичного означивания требует особенного внимания к антропоцентрическому принципу строения языка (“я – тут – сейчас”), учета цели порождения высказывания, то есть структуры речевого акта, состоящей из следующих элементов: говорящий – слово, денотат, понятие – слушатель, которые постулировались еще в работах представителей Пражской лингвистической школы, зачисляющих к постоянным следующие факторы, детерминирующие языковой знак (он понимается как социальная сущность): говорящий, слушатель и реальная действительность (ПЛК 1967).

Схожие идеи выдвигались и французскими семасиологами – А. Ж. Греймасом, Ж. Курте и др., которые предложили ввести в семиотическую теорию вопрос об акте высказывания, то есть дополнить глубинные семиотические структуры, связанные с языком и языковой компетенцией, менее глубинными – структурами дискурса. Их главный тезис – общая теория семиотики должна быть одновременно теорией выражения-результата (порождающая грамматика) и теорией акта высказывания.

Выводы. Перспективы последующих исследований

Обобщим основные положения, касающиеся понятия мотивации в словообразовательном, номинативном и лингвокогнитивном аспектах. Номинативный тип мотивации отражает формальную и семантическую связь между словами как знаками (обозначающее – план выражения и обозначаемое – план содержания), которая реализуется при образовании слов и является условием стабильности лексического состава языка. Словообразовательный тип мотивации предполагает процесс формирования семантической и формальной связи производного слова со словообразовательным в пределах знакового кода языковой системы, что способствует вариативности лексики, диффузии языковых элементов разных уровней. Лингвокогнитивный тип мотивации характерен для семиотического процесса, связан-

ного со становлением этнического сознания, поскольку в нем важной составляющей является установление семантической и формальной зависимости между мотиватором и производной номинативной единицей (мотивированным знаком) на основе связей разных компонентов структуры знаний об означаемом.

Таким образом, слово как базисный языковой знак рассматривается в двух аспектах: 1) с позиций знаний о мире (лингвокогнитивная и номинативная мотивация); 2) с позиций знаний о языке (словообразовательная мотивация). Мотивация в диахроническом аспекте объясняет идиоэтническую специфику первичного семиозиса, а в синхронии – коннотативно-аксиологическую окраску вторичного семиозиса.

Семиозис как процесс знакообозначения отражает идиоэтническую направленность становления языковой картины мира в хронотопе. В этом процессе в аспекте теории номинации выделяются два этапа: 1) первичное означивание – хронологически первичное приобретение языковым знаком номинативно-прагматического значения, что связано с условиями хозяйственной и общественной деятельности человечества; 2) вторичное означивание – процесс последующих мотивированных (как реальной действительностью, так и языковой системой) трансформаций этого значения. Таким образом, специфика семиологического означивания определяется согласно типам семиозиса: 1) в синхронии она зависит, с одной стороны, от типа мотивационных отношений между планом содержания и планом выражения, с другой, – от языкового или речевого семиозиса; 2) в диахронии – от призрачного, хронологически первичного или секундарного, в дальнейшем мотивированного означивания.

В последующих научных исследованиях будет рассматриваться проблема мотивации разноуровневых языковых единиц как соотношение языкового знака и значения.

Литература

- Dokulil 1962 – М. Докулил. *Tvorení slov v češtině. I. Teorie odvození slov*. Praha: CAV, 263 s.
- Lakoff 1980 – G. Lakoff. *Metaphors We Live By*. CUP: Chicago. 242 p.
- Алефиренко 2006 – Н. Ф. Алефиренко. Когнитивно-семиологическая теория слова. *Вестник Самарского гос. университета*. № 5/1(45), 102–110.

- Бенвенист 1955 – Э. Бенвенист. *Индоевропейское именное словообразование*. Москва: Изд-во иностр. лит-ры. 260 с.
- Виноградов 1975 – В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. Москва: Наука. 559 с.
- Винокур 1959 – Г. О. Винокур. *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Учпедгиз. 492 с.
- Выготский 1982 – Л. С. Выготский. *Мышление и речь. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2*. Москва: Педагогика, 53–61.
- Гак 1967 – В. Г. Гак. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово). *Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода»*. Москва: Наука, 14–18.
- Гак 1977 – В. Г. Гак. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. *Семантическая структура слова*. Москва: Наука, 78–96.
- Гинатуллин 1971 – М. М. Гинатуллин. *К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц)*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата. 27 с.
- Голев 1977 – Н. Д. Голев. О соотношении семантических и мотивировочных признаков. *Вопросы языкознания и сибирской диалектологии*. Томск, 21–26.
- Голев 1981 – Н. Д. Голев. *Введение в теорию и практику мотивационного и структурного анализев*. Учебное пособие. Барнаул: АГУ. 87 с.
- Горпинич 1998 – В. О. Горпинич. *Українська словотвірна дериватологія*. Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетровського ун-ту. 189 с.
- Григорян 1980 – О. Григорян. *Аспекты мотивированности и функционирования слова*. Prieiga internetu: [http://lraiber.asj-oa.am/2712/1/1980-2\(32\).pdf](http://lraiber.asj-oa.am/2712/1/1980-2(32).pdf) [žiūrēta 2017 07 05].
- ГСРЛМ 1970 – *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва: Наука, 767 с.
- Зверев 1981 – А. Д. Зверев. *Словообразование в современных восточнославянских языках*. Москва: Высшая школа. 206 с.
- Земская 1984 – Е. А. Земская. Виды семантических отношений словообразовательной мотивации. *Wiener Slavischer Almanach*. Wien, Bd. 13, 3–23.
- Кочерга 2004 – Г. Кочерга. Асоціативно-термінальна мотивація відмінникових дієслів у сучасній українській мові. *Вісник Львівського університету*. Серія: Філологія. Вип. 34. Ч. 1, 88–94.
- Кубрякова 1972 – Е. С. Кубрякова. Словообразование. *Общее языкознание. Внутренняя структура языка*. Москва: Наука, 346–347.
- Кудрявцева 1993 – Л. А. Кудрявцева. *Моделирование динамики словарного состава языка*. Киев: ИСДОУ. 280 с.
- Лопатин 1977 – В. В. Лопатин. *Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания*. Москва: Наука. 315 с.
- Потебня 1989 – А. А. Потебня. *Мысль и язык. Слово и миф*. Москва: Правда. 282 с.
- ПЛК 1967 – *Пражский лингвистический кружок*. Москва: Прогресс. 559 с.
- РГ 1980 – *Русская грамматика*. Т. 1. Москва: Наука. 783 с.
- Селиванова 2000 – Е. Селиванова. *Когнитивная ономаσιология*. Киев: Фитосоциоцентр. 247 с.

- Селіванова 2006 – О. Селіванова. *Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія*. Полтава: Довкілля. 716 с.
- Стернин 1985 – И. А. Стернин. *Лексическое значение слова в речи*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 170 с.
- Телия 1988 – В. Н. Телия. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. *Метафора в языке и тексте*. Москва: Наука, 26–52.
- Улуханов 2005 – И. С. Улуханов. *Мотивация в словообразовательной системе русского языка*. Москва: Азбуковник. 313 с.
- Улуханов 1992 – И. С. Улуханов. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка). *Вопросы языкознания*. № 2, 5–21.
- Уфимцева 1974 – А. А. Уфимцева. *Типы словесных знаков*. Москва: Наука. 205 с.
- Чанчина 2007 – А. В. Чанчина. Понятие словообразовательной мотивации в современной лингвистике. *Вестник Нижегородского гос. универ-та им. Н. И. Лобачевского*. № 3, 234–238. Prieiga internetu: http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99999999_West_3/40.pdf [žiūrėta 2017 07 05].
- Ширшов 1981 – И. А. Ширшов. *Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке*. Ростов-на-Дону. 117 с.
- Янценецкая 1977 – М. Н. Янценецкая. Словообразовательная и лексическая мотивированность слова. *Вопросы русского языка и его говоров*. Томск. Вып. 4, 183–193.

Olena Kryzhko

MULTIPLEXITY OF MOTIVATION IN MODERN LINGUISTICS

Summary

The article deals with the peculiarities of motivation in word formative, nominative, linguacognitive aspects, as well as a general understanding of the concept of motivation in connection with the doctrine of the process of semiosis and the internal form of the word. In particular, the author of the article states that the concept of motivation arose in word formation as a correspondence of the formal and semantic similarity of words. This is explained by the fact that derivational affixes performing the derivative function in the language in contrast to the roots and lexemes treated as units of the lexical level are represented on the first level in many works in word formation. Then the object of the word formation gradually moves into the sphere of units of lexical level and considers words of a special type – motivated ones. There was a need to distinguish between motivation and derivativeness with the further development of research in the

field of derivatology, especially in the process of synonymization of the terms “formed”, “derivative”, “motivated”, “derived”. Therefore, there was a need to differentiate the given terms to determine the essence of the motivation itself.

In modern linguistics, motivation is understood in three aspects: 1) in word formation – this is the process of forming the semantic and formal connection of the derivative word with the root one within the sign code of the language system; 2) in the nominative – the formal and semantic connection between words as signs (expression and content plans), realized in the formation of words; 3) in linguacognitive – the establishment of a semantic and formal dependence between the motivator and the derivative by a nominative unit (a motivated sign) based on the connections of different components of the knowledge structure about what is meant in the ethnic consciousness.

The author of the article emphasizes that due to the transition of modern linguistics to cognitivism the problem of motivation has started to be solved based on a new principle of typology of motivational processes connected with the definition of the conceptual place of the motivator in the mental–psychoanal complex of the denoted object. Motivation as the process of formation of (new) internal form corresponds to the category of motivation (the result of the combination of the motivational meaning and the sound of the word), the motivational form and the conceptual meaning, thus defining the idioethnic direction of the semiosis within the national language. In this aspect, the internal form is regarded as an intermediate link between thought, the primary meaning and the phonetic form of the word.